

**К вопросу об идейно-творческих эволюциях в творческой биографии  
А. Ф. Писемского (Идейно-творческая эволюция 1848–1850 годов  
и сближение писателя с «молодой редакцией» журнала «Москвитянин»)**

Статья посвящена вопросу эволюции, произошедшей в общественных и эстетических взглядах А. Ф. Писемского. Автором представлена гипотеза о периодизации и изменении биографии Писемского, основывающаяся на материалах его автобиографий. Актуальность исследования определяется необходимостью выстраивания разрозненных фактов идейно-творческих кризисов и последующей идейно-творческой эволюции Писемского, осуществлявшейся с учетом тенденций общественного развития и специфики литературного процесса в России.

Были применены методы культурно-исторического и историко-генетического анализа, а также историко-типологический анализ трудов по истории русской литературной критики и публицистики.

Ключевые слова: А. Ф. Писемский, А. Н. Островский, С. П. Шевырев, М. П. Погодин, журнал «Москвитянин», «старшая редакция», «молодая редакция», идейно-творческий кризис, идейно-творческая эволюция, славянофильство.

*Ol'ga Timashova*

**To the Question of Convergence of A. F. Pisemsky's Ideologically  
Creative Evolutions (Relationships between Pisemsky's Ideologically  
Creative Evolution in 1848–1850 and Early Editorial Board'  
of the Journal "Moskvityanin")**

The article is devoted to the question of convergence of A. F. Pisemsky's views on aesthetics and society. I presented an overview of studies and concepts for A. F. Pisemsky's biography which was moderated by Pisemsky's autobiographies. The actuality of the investigation is stipulated by the necessity of examination of numerous facts of reception of writer ideologically creative crisis and ideologically creative evolution.

As a result of the analysis some regulation have been found out concerning Russian slavyanofilism depending on the artistic preferences of the author in accordance with the specific social and literary trends that were in Russia at that time.

The have been used the methods of culture and historic analysis, historic and genetic, and historic typological analyses with the works of Russian literature critics and publicists.

Key words: A. F. Pisemskiy, A. N. Ostrovskiy, S. P. Shevyrev, M. P. Pogodin, Journal *Moskvityanin*, 'old editorial board' of the Journal 'Moskvityanin', 'early editorial board' of the Journal 'Moskvityanin' ideologically creative crisis, ideologically creative evolution.

Первую идейно-творческую эволюцию писателя-«еретика» Алексея Феофилактовича Писемского (1821–1881) [23, с. 6] его биографы с конца XIX века [8, с. 77] по первую половину XX века [22, с. 34–36] относили к зрелому этапу творчества. Движением писателя в начале 1860-х годов в направлении консервативной идеологии учеными мотивировалось появление фельетонов Салатушки и Безрылова (1860–1861), антинигилистического романа «Взбаламученное море» (1863) [10, с. 71–124].

Отсутствие гипотезы об идейно-творческих поисках начинающего автора ставит ученых в тупик перед вопросом его журнальной биографии: почему на начальном этапе творчества Писемский «делился между журналами» [23, с. 127], которые были «разными и по смыслу деятельности, и по традициям» [7, с. XXVI] («Москвитянин», «Современник», «Отечественные записки»).

Предположение о том, что первый идейно-творческий кризис Писемского произошел на рубеже 1840–1850-х гг., было сделано А. М. Скабичевским, хотя и истолковано негативно. В студенческой юности Писемский был человеком радикальных западных взглядов – «горячим идеалистом, <...> смеялся над <...> безобразиями <...> с верой в возможность <...> лучших порядков» [20, с. 3–4]. Но по возвращении на родину, в Кострому, будущий писатель вернулся к идеалам мелкопоместной дворянской «жизни, освященной вековыми традициями» [20, с. 4].

А. П. Могиланский и М. К. Клеман, подготавливая к печати издание «Писем» писателя (1936), сделали архивную находку, подтвердившую гипотезу Скабичевского. Это незаконченная рукопись автобиографической повести «Зенаида Семеновна Грудина (Брюхова)» (1878–1880). В ней Писемский свидетельствовал: возвратившись по окончании университета на родину, он какое-то время «сохранял <...> печоринский тон» [16, с. 560]. Это признание привело ученых к выводу, что в юности Писемский являлся западником по своим идейным взглядам, приверженцем романтической эстетики. В 1850-е гг. он разочаровался в них и критиковал «в таких образах, как “фанфарон” Дмитрий Шамаев <...> и “москвич в гарольдовом плаще” Батманов» [9, с. 838].

В повести «Зенаида Семеновна Грудина» содержится еще одно важное авторское свидетельство. Автобиографический рассказчик Писемского вспоминает о себе как о литераторе. Он стремился «разговаривать с <...> женщинами», накапливая материалы для «романа» [16, с. 560] о жестокости

патриархальной семейной морали. Но знакомство с «соломенной вдовой», именем которой названа повесть, привело его к разочарованию в идеях эмансипации. Автобиографический сюжет повести носил, таким образом, вдвойне разоблачительный характер. Писатель свидетельствовал, что опыт провинциальной жизни заставил его отвергнуть как единое идейно-поведенческое явление «байронический» тип тридцатых годов и свободные взгляды на брак, свойственные «жоржзандистам» сороковых годов.

В 1991 году А. П. Могиланский в новой научной биографии Писемского заявил об идейно-творческом кризисе, произошедшем в сознании Писемского «в середине 1849 года» [12, с. 34]. В процессе последовавшей за кризисом эволюции радикально «изменились <...> взгляды писателя, <...> его творчество, его отношение к действительности, его эстетические воззрения» [12, с. 34]. Ученый выдвинул гипотезу, что творческой целью Писемского стало сатирическое разоблачение отвергнутых западных идеалов: «В 1851–52 годах <...> средствами комизма Гоголя Писемский хотел разделаться с идеализацией <...> Печорина» [12, с. 34].

Необходимо продолжить изучение идейно-художественных кризисов начального этапа биографии Писемского: их причин, их рефлексии и, не в последнюю очередь, взаимообусловленности идейно-художественных исканий Писемского журнальным сотрудничеством писателя в периодических изданиях середины XIX века. Материалом для изучения послужат произведения и автобиографии Писемского, его редакционная и личная переписка, а также труды по истории русской журналистики.

Согласно самой ранней и наиболее полной автобиографии (1854), Писемский по окончании Московского университета (1844) узнал о семейных несчастьях. «Отец <...> умер, мать была тяжело больна» [18, IX, с. 604]. Это побудило будущего писателя возвратиться в Костромскую губернию и начать служить. Но после смерти матери (точная дата кончины Евдокии Алексеевны неизвестна) Алексей Феофилактович вернулся во вторую столицу, перевелся на службу в Московскую Палату государственных имуществ и параллельно занялся литературной деятельностью. Ко второй половине 1840-х годов относится его знакомство с А. Н. Островским: «В апреле <...> 1846 года был сделан помощником столоначальника, в этом же году <...> обратился к <...> литературным занятиям и написал роман <...> “Виновата ли она?” <...>, который <...> познакомил <...> с <...> Островским, писавшим <...> комедию “Свои люди – сочтемся”» [18, IX, с. 604–605]. Если принять эту дату, окажется, что Писемский был первым, с которым Островского связали эстетические интересы, из тех, кто позднее составил литературное ядро

«молодой редакции». С остальными сотрудниками, согласно выводам К. Ю. Зубкова, драматург знакомился с 1848 по 1850 годы [6, с. 16].

Писемский принял решение предложить свою дебютную повесть «Виновата ли она?» («Боярщина») в журнал А. А. Краевского и А. Д. Галахова «Отечественные записки» – первый русский «“толстый” энциклопедический» журнал [13, с. 55–56]. Журнал «Отечественные записки» окреп с приходом В. Г. Белинского [11, с. 9–10], «приобрел сотрудничество <...> крупных писателей» [3, с. 120, 122], М. Ю. Лермонтова и А. И. Герцена.

Увлечение Писемского творчеством Герцена, подражание его Печорину объясняют, почему писатель выделил издание, в котором публиковались его кумиры, и мечтал печататься «преимущественно в нем» [16, с. 24]. Писатель передал рукопись повести «Виновата ли она?» Галахову через М. Н. Каткова [9, с. 589–591]. «Принес мне Катков, – писал Галахов в Петербург, Краевскому 25 марта 1848 года, – повесть какого-то Писемского под названием “Виновата ли она?”. <...> Перешлю вам, если она того стоит...» [9, с. 590]. Повесть оказалась «стоящей» и была принята к публикации. Но цензурный запрет, в связи с которым, как заявлял Писемский, «редакция сочла неудобным» публикацию, напугал издателей, а его «лишил надежды» [18, IX, с. 605] заявить о себе.

Писемский сообщал, что сразу после цензурного запрета повести «Виновата ли она?» он снова уехал в Кострому [17, IX, с. 605]. В позднейших автобиографиях он опускал послестуденческий период своей московской жизни, синтезировал два эпизода возвращения на родину в один [17, I, с. ССXXIV, ССXXVI, ССXXIX]. Писатель «решился посвятить себя службе, а потом жениться» [17, I, с. ССXXIV]. Смена жизненных целей, сопровождаемая «меланхолией и ипохондрией» [17, I, с. ССXXIII], не может мотивироваться запретом одной повести. Видимо, Писемский опасался за свою свободу, боялся скомпрометировать друзей. А это могло быть в том случае, если его вторичный отъезд на родину был негласной ссылкой, вызванной предупреждением или распоряжением властей. Это подтверждает вывод о радикализме студенческого мировоззрения Писемского, сделанный Скабичевским и Могиланским. И, напротив, гипотеза Л. Аннинского о том, что перекличка названий повестей Писемского и Герцена «Кто виноват?» носит случайный характер, а радикализм повести «Виновата ли она?» преувеличен, ошибочна [1, с. 14].

Так, автобиографический герой романа «Люди сороковых годов» (1869) из-за цензурного запрета дебютной повести «Да не осудите!» выслан на родину под надзор полиции: «Сорок восьмой год был страшный для

литературы <...>. Над героем моим, только <...> выпорхнувшим на литературную арену, тоже разразилась беда» [18, V, с. 151].

В ранней автобиографии Писемский коснулся вопроса о присоединении к «молодой редакции»: «В 1850 году я получил от А. Н. Островского <...> приглашение к участию в “Москвитянин”» [18, IX, с. 604]. Еще одно свидетельство находим в романе «Мещане» (1877), в биографии писателя Миклакова: «В пятидесятых годах он сделался известен в литературных кружках и прослыл <...> человеком либеральнейшим <...>, при <...> более свободном дыхании литературы его пригласили к сотрудничеству в лучшие журналы» [18, VI, с. 67]. Писатель снова намекает на радикальный творческий пафос, который обернулся для него трехлетней ссылкой.

Только к началу 1850-х годов Писемский, надеясь на «более свободное дыхание» цензуры, предпринял попытки вернуться в литературу. Седьмого апреля 1850 года он обнаружил в номере журнала «Москвитянин», дошедшем в Кострому, комедию Островского «Банкрот» (1850, № 4) и принял на себя инициативу восстановления прерванных по его вине связей: «Достопочтенный <...> автор “Банкрута”! <...>. Вы <...> помните <...> старого знакомого Писемского, которому доставили столько удовольствия чтением <...> в рукописи вашей комедии» [16, с. 25].

Через 14 дней Писемский отправил корреспонденту следующее послание. К письму от 21 апреля 1850 года он приложил рукопись своей новой повести «Тюфяк» [16, с. 27]. Островскому, очевидно, было известно, что репутация Писемского пострадала из-за запрета первой повести, и автор «Тюфяка» заверял адресата в том, что полностью пересмотрел эстетику: «Общественного я не касался и ограничивался <...> семейными отношениями» [16, с. 27].

Свидетельством идейно-творческой эволюции Писемского от общественно-обличительных традиций к признанию ценности русского быта служит его отношение к повести «Виновата ли она?». В 1847–1849 годы писатель мечтал напечатать ее, пусть и с цензурными пропусками [16, с. 6]. Но с приходом в журнал «Москвитянин» он потерял к ней интерес, и она «валялась» в его деревенском доме [16, с. 31].

Причины охлаждения Писемского к дебютной повести близки мотивировке отказа Островского от хлопот по цензурному разрешению театральной постановки пьесы «Свои люди – сочтемся!» («Банкрот»). Писемский заявил Островскому об изменившемся отношении к повести: «Мне ее жаль, хоть я <...> из нее и вырос» (курсив мой. – О. Т.) [16, с. 31]. «Направление мое начинает изменяться» [14, XI, с. 57], – сообщал, в свою очередь, Островский

Погодину. Оба сотрудника «молодой редакции» декларировали отказ от поэтики раннего периода своего творчества. «Взгляд на жизнь в первой моей комедии кажется мне молодым и слишком жестким» [14, XI, с. 57], – заявлял Островский. Писемский также увидел в своей запрещенной повести излишне «резкие сцены» [16, с. 31]. Писатели осознавали, что приход в «Москвитянин» был обусловлен началом нового периода их художественного развития.

Пафос «москвитянинских» произведений Писемского направлен на разоблачение не только его личных кумиров. По большей части это были представители литературных течений, провозглашенных ведущим критиком «молодой редакции» Ап. Григорьевым враждебными «молодой редакции»: романтизма и «натуральной школы». «Литературу натуральной школы он (Ап. Григорьев. – *О. Т.*) рассматривает в русле <...> односторонних отношений к действительности, объединяя ее с романтической» [5, с. 34].

Объектом критических выпадов «молодой редакции» становился высокий дворянский герой. Подтверждением служит выбор «молодой редакцией» заглавия первой опубликованной в журнале повести Писемского. Не «Бешметев», а «Тюфяк» – прозвище, данное персонажу в провинциальном «свете» [16, с. 27–28]. В нем отразились и характеристика бытового окружения «лишнего человека» Бешметева, и объективные изъяны характера героя.

А. В. Дружинин, в то время критик оппонировавший «Москвитянину» журналов, указывал на авторскую задачу Писемского: объективно показать высокого героя, поскольку «талант не дает человеку права быть грязным» [4, с. 51]. Герой рассказа «Комик» (1851) талантливый актер Рымов в пьяной обиде на общество позволяет себе столь же отвратительное высокомерие: «Актеры! Писатели! Всех я вас, свинопасов, презираю...» [18, II, с. 210]. Недаром в финале решено «развести» Рымова-актера и человека: «как человек», он в пьяном виде выведен лакеями, а «как актер», получает заслуженную «вазу с деньгами» [18, II, с. 211].

Стремление показать несчастливую судьбу героя как следствие его собственных поступков, подчеркнуть его ответственность перед обществом прослеживается и в комически-сниженном образе Дурнопечина («Ипохондрик»). Образ этот заимствован и полемически развит из повести писателя «натуральной школы» А. В. Станкевича «Ипохондрик» [21]. Оппонентом Ипохондрика становится старший родственник, напоминающий ему о гражданском долге. Сюжет своей комедии Писемский тоже строил на противопоставлении «ипохондрика» здравомыслящему человеку, но у него, в отличие от Станкевича, тетка Дурнопечина, Соломанида Платоновна, предстает воплощением национального характера и здравого смысла.

Ап. Григорьев подверг критике изображение определяющего влияния среды на человека в произведениях «натуральной школы»: «Множество повестей, <...> в которых <...> с героями и героинями, задохнувшимися <...> в грязной действительности, совершались самые удивительные *превращения*» [2, с. 50] (курсив автора. – *О. Т.*). В сатирико-нравоописательной повести «Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына. Брак по страсти» (1851) Писемский дает ряд описаний пародийных «превращений», происходящих с хозяйкой доходного дома и ее любимым жильцом, Хозаровым. «Угольный порошок», «пузырек с белой жидкостью», «ящичек с красным порошком» – ухищрения моды сделали из престарелой хозяйки «совершенно другую женщину» [18, II, с. 33]. В бóльших масштабах совершает свои «превращения» ее жилец. Но Хозаров остается одним и тем же и в полку, и в номерах Замшевой, и осуществив надежды на завоевание богатой невесты. Общество не может уничтожить нравственного потенциала, который даровала человеку природа.

В послании М. П. Погодину (27 марта 1851) Писемский сообщил: «Написал целой Роман <...>. Мысль его понятна – это <...> личность Печорина, *сведенная с ходуль на землю*» (курсив мой. – *О. Т.*) [16, с. 33]. Герой одноименной новеллы «М-г Батманов» (1852), подражатель Печорину Батманов терпит моральное поражение и в провинции, и в московской гостинице, что символизирует «вытеснение» русским обществом 1850-х годов прежнего кумира. Батманову пришлось отправиться в Сибирь, где гордый светский лев не отказался «управлять делами <...> богатой вдовы купчихи» [18, III, с. 216]. Финальные строки новеллы проникнуты иронией, подчеркивающей типичность нравственного падения русских подражателей европейским образцам: «Чем, думаешь, не разрешалось русское разочарование!» [18, III, с. 216].

В рассказе о преуспевшем в столице «питерщике» Клементии писатель переосмыслил социально-разоблачительные мотивы «натуральной школы», о произведениях которой Писемский замечал: «Мне отчасти смешно, а отчасти грустно читать журнальные возгласы в пользу романов из крестьянского быта, в числе которых <...> бездарные и <...> лживые, <...> но мода!...» [16, с. 63]. «Питерские» испытания научили героя Писемского чувствовать. В то же время духовный опыт не был бы приобретен, не будь под ним деревенского «здравомыслия» [18, II, с. 242]. В финале рассказа звучат оптимистичные ноты: «Порадовавшись успеху питерщика, я <...> в лице его порадовался <...> за *русского* человека» [18, II, с. 241] (курсив мой. – *О. Т.*). Образ крестьянского героя поднимается до национального обобщения.

Таким образом, закономерно, что после первого идейно-творческого кризиса 1849–1850 годов Писемский переосмыслил страстное стремление

сотрудничать в журнале «Отечественные записки» и вошел в «молодую редакцию» журнала «Москвитянин» под руководством Островского. Эстетическая и общественно-критическая программа «молодой редакции» в тот период наиболее полно отвечала поэтике писателя.

В течение 1852–1853 годов Писемский пережил новый идейно-творческий кризис. Под его влиянием писатель перешел в западнические журналы: в «Современник» и затем в «Отечественные записки». Причины и специфика этого кризиса и последовавшей эволюции заслуживают специального изучения.

### Список литературы

1. Аннинский Л. А. Три еретика. Писемский. Лесков. Мельников-Печерский. М.: Книга, 1988. 352 с.
2. Григорьев Ап. Русская литература в 1851 году // Литературная критика журнала «Москвитянин» времен «Молодой редакции» (1850–1855) / под ред., вступ. ст. О. В. Тимашовой. Саратов: ИЦ Наука, 2010. 328 с.
3. Дементьев А. Г. Очерки по истории русской журналистики 1840–1850-х годов. М., Л.: Гослитиздат, 1951. 414 с.
4. Дружинин А. В. Повести и рассказы г. Писемского // Отечественные записки. 1853. Т. 89. Отд. 5. С. 1–61.
5. Журавлева А. И. «Органическая критика» Аполлона Григорьева // Григорьев Ап. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1980. С. 7–47.
6. Зубков К. Ю. «Молодая редакция» журнала «Москвитянин»: Эстетика. Поэтика. Полемика. М.: Биосфера, 2012. 209 с.
7. Иванов И. А. Ф. Писемский. СПб.: Мир Божий, 1898. 244 с.
8. Измайлов Н. Предисловие // Тургенев и круг «Современника». 1847–1861. М., Л.: Academia, 1931. С. I–XXXVI. 492 с.
9. Клеман М. К., Могилянский А. П. Приложения // Писемский А. Ф. Письма. М., Л., 1936. С. 555–846.
10. Козьмин Б. П. Писемский и Герцен. (К истории взаимоотношений) // Козьмин Б. П. Литература и история: сб. статей. М.: Худож. лит., 1982. С. 74–121.
11. Кулешов В. И. «Отечественные записки» и литература 40 годов XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1958. 402 с.
12. Могилянский А. П. А. Ф. Писемский. Жизнь и творчество. Л.: ЛИО Редактор, 1991. 158 с.
13. Орлов Вл. Литературно-журнальная деятельность А. А. Краевского // Уч. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. 1941. Вып. 11. № 76. С. 22–56.
14. Островский А. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1973–1979. Т. 11. Письма.
15. Писемский А. Ф. Наброски из прошлого. Зенаида Семеновна Грудина (Брюхова) // Писемский А. Ф. Письма. М., Л., 1936. С. 566–569.
16. Писемский А. Ф. Письма / под ред. и комм. М. К. Клемана и А. П. Могилянского. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 928 с.



17. Писемский А. Ф. Полн. собр. соч. СПб.; М.: Изд-во М. О. Вольф, 1895.
18. Писемский А. Ф. Собр. соч.: в 9 т. / под ред. А. П. Могилянского, подг. текста и примеч. М. П. Еремина, М.: Правда, 1959.
19. Пустовойт П. Г. А. Ф. Писемский в истории русского романа. М.: Изд-во МГУ, 1969. 271 с.
20. Скабичевский А. М. А. Ф. Писемский, его жизнь и литературная деятельность. СПб.: Обществ. польза, 1894. 96 с.
21. Станкевич А. В. Ипохондрик // Современник. 1848. № 3. С. 26–47.
22. Тюнькин К. И. Писемский и Тургенев в их переписке / Тургенев И. С. Переписка // Литературное наследство. 1986. Т. 73. Кн. 2. С. 127–137.
23. Чупрынин С. Поперек течения, или Уроки русской «ереси» // Аннинский Л. Три еретика. М.: Книга, 1988. С. 3–16. 350 с.

### References

1. Anninskiy L. *Tri eretika. Pisemskiy. Leskov. Mel'nikov-Pecherskiy* [Three heretics. Pisemsky. Leskov. Melnikov-Pechersky]. Moscow: Kniga Publ., 1988. 352 p.
2. Grigor'yev Ap. *Russkaya literatura v 1851 godu* [Russian literature in 1851] *Literaturnaya kritika zhurnala 'Moskvityanin' vremen 'molodoi redaktsii' (1850–1855)* [Literary criticism of the Moskvityan magazine of the times of the Young Editorial Office (1850–1855)] Pod red. O. V. Timashovoy. Saratov: ITS Nauka Publ., 2010. 328 p.
3. Dement'yev A. G. *Ocherki po istorii russkoi zhurnalistiki 1840–1850-kh godov* [Sketchs of 1840–1850 history]. Moscow, Leningrad: Goslitizdat Publ., 1951. 414 p.
4. Druginin A. V. *Povesti i rasskazu g. Pisemskogo* [Pisemskiy's novels and stories] *Otechestvennuye zapiski* [Domestic notes]. 1853. Vol. 89. Chap. 5, pp. 1–61.
5. Zhuravleva A. I. *'Organicheskaya kritika' Apollona Grigor'yeva* [Grigor'yev's Organic criticism] Grigor'yev Ap. *Estetika i kritika* [Aesthetics and criticism]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1980, pp. 7–47.
6. Zubkov K. YU. *'Molodaya redaktsiya' zhurnala 'Moskvityanin': Estetika. Poetika. Polemika* [Moskvityanin's young edition. Aesthetics. Poetics. Controversy]. Moscow: Biosfera Publ., 2012. 209 p.
7. Ivanov I. A. *F. Pisemskiy* [A. F. Pisemsky]. St.Petersburg: Mir Bozhiy Publ., 1898-244 p.
8. Izmaylov N. *Predisloviye* [Preface] *Turgenev i krug «Sovremennika». 1847–1861* [Turgenev and the circle of "Contemporary". 1847–1861]. Moscow, Leningrad: Academia Publ., 1931, pp. I–XXXVI. 492 p.
9. Cleman M. K., Mogilyanskiy A. P. *Prilozheniya* [Annex] Pisemskiy A. F. *Pis'ma* [Letters] / pod red. M. K. Klemana i A. P. Mogilyanskogo. Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ., 1936, pp. 555–846.
10. Koz'min B. P. *Pisemskiy i Gertsen (K istorii ikh vzaimootnosheniy)* [Pisemskiy and Gertsen. History of relations] Koz'min B. P. *Literatura i istoriya* [Literature and History: Sat. articles.]. Moscow: Khudozh. lit. Publ., 1982, pp. 74–121.
11. Kuieshov V. I. *'Otechestvennuye zapiski' i literatura 40 godov XIX veka* [*'Otechestvennuye zapiski' and 40 s XIX century's literature*]. Moscow, 1958. 402 p.
12. Mogilyanskiy A. P. *A. F. Pisemskiy. Zhizn i tvorchestvo* [Pisemskiy. A life and art]. Leningrad: LIO Redaktor Publ., 1991. 158 p.

13. Orlov V.I. *Literaturno-zhurnal'naya deyatelnost' A. A. Krayevskogo* [Krayevskiy's art and journalism] Uch. zap. Leningrad. un-ta. 1941. Vyp. 11. № 76, pp. 22–56.
14. Ostrovskiy A. N. *Poln. sobr. soch. v 13 t.* [Full collected Works in 13 vol.]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979.
15. Pisemskiy A. F. *Nabroski iz proshlogo* [Sketch in the past] Pisemskiy A. F. *Pis'ma* [Letters] Pod red. M. K. Klemana i A. P. Mogilyanskogo. Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ., 1936, pp. 566–569.
16. Pisemskiy A. F. *Pis'ma* [Letters] Pod red. M. K. Klemana i A. P. Mogilyanskogo. Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ., 1936. 928 p.
17. Pisemskiy A. F. *Poln. sobr. soch.* [Collected Works in 9 vol.]. St.Petersburg; Moscow: M.O. Wolf Publ., 1895.
18. Pisemskiy A. F. *Sobr. soch. v 9 t.* [Collected Works in 9 vol.]. Moscow: Pravda Publ., 1959. 564 p.
19. Pustovoyt P. G. *A. F. Pisemskiy v istorii russkogo romana* [A. F. Pisemskiy and history of Russian novel]. Moscow: MGU Publ., 1969. 271 p.
20. Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.: v 16 t.* [Full collected Works in 16 vol.]. Moscow: AN SSSR, 1937–1949.
21. Skabichevskiy A. M. *A. F. Pisemskiy, ego zhizn i literaturnaya deyatelnost'* [Pisemskiy's life and art]. St.Petersburg: Obshchest. pol'za Publ., 1894. 96 p.
22. Tyunkin K. I. *Pisemskiy i Turgenev v ikh perepiske* [Pisemskiy and Turgenev's correspondence] Turgenev I. S. *Perepiska* [Correspondence] *Lit. nasledstvo* [Literary heritage]. 1986. Vol. 73. Chap. 2, pp. 127–137.
23. Çuprinin S. *Poperek techeniya ili Uroki russkoy eresi* [Across the tide or Lessons of Russian heresy] Anninskiy L. *Tri eretika. Pisemskiy. Leskov. Mel'nikov-Pecherskiy* [Three heretics. Pisemsky. Leskov. Melnikov-Pechersky]. Moscow: Kniga Publ., 1988, pp. 3–16.